

**Николай РУССЕВ**

## **ЖИТИЕ ИОАННА НОВОГО И ЖИЗНЬ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ РОССИЙСКОГО ИДЕЙНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Уже шесть столетий православное население исторической Молдавии чтит Иоанна Нового Сучавского (Белгородского). День памяти национального святого – 15 июня – в этом году совпал со временем проведения нашей конференции, посвященной русской культуре как многовековому достоянию народов нашей страны. В связи с этими двумя обстоятельствами моя задача состоит в том, чтобы посмотреть на создание культа Иоанна Нового сквозь судьбу автора жития мученика, знаменитого книжника Григория Цамблака. Считается, что «в эпоху средневековья в литературе на славянских языках не было более крупного и одаренного художника слова». При этом если по языку он, несомненно, является болгариним, то «по духу и исторической судьбе принадлежит всей Юго-Восточной и Восточной Европе» (Русев 1980: 124, 128).

\* \* \*

Оригинальное агиографическое сочинение с названием «Мучение святого и славного мученика Иоанна Нового, иже в Белграде мучившегося, съписано Григорием мнихом и пресвитером великой церкви молдовлахийской» появилось в начале XV в. История же его героя такова. Греческий купец из Трапезунда прибыл в Белгород на судне, начальником которого был «фряг», приверженный «латинской ереси». Речь идет о католике, по всей видимости, генуэзце – мореходы из Италии часто бросали якорь в порту на Днестровском лимане. Он и оклеветал Иоанна в глазах местного правителя – «епарха города». Объятый завистью к богатству и благонравию православного торговца корабельщик заявил градоначальнику, названному в житийном тексте «персом», что трапезундец желает принять язычество, отказавшись от отеческой веры. Однако на суде епарха Иоанн не только отверг низость вероотступничества, но и смело вступил с ним в религиозную полемику. Как горячий проповедник православия он призвал нечестивца отринути сатанинские заблуждения ради приобщения к

истинному богу. Эти прилюдно произнесенные призывы воспламенили гнев иноверца, поклонявшегося огню, солнцу и утренней звезде. «Перс» приказал истязать купца суковатыми палками. Наступившую ночь связанный веревками и израненный трапезундец провел в темнице. И на следующий день православный купец опять решительно отказался покориться персу, который то предлагал услуги пришедших в Белгород с Востока искусных лекарей, то запугивал упорствующего противника еще более страшными пытками. Иоанн, подвергнутый новым жестоким мучениям, под возгласы возмущенной несправедливым судом толпы был привязан за ноги к хвосту свирепого коня, который потащил едва живое тело «по всему граду». В довершение местные иудеи надругались над праведником, а один из них отсек ему голову. Сразу же после смерти его брошенным на улице останкам стали сопутствовать чудеса. Это напугало епарха, и он приказал похоронить трапезундца. Православные жители города погребли Иоанна в своей церкви. Прошло более 70 лет после этих событий, прежде чем святые мощи были перенесены в столицу Молдавии Сучаву (Яцимирский 1906: 3-11; Русев, Давидов 1966: 90-109).

Автором жития признан Григорий Цамблак (ср. Năsturel 1971), который по праву считается крупнейшим религиозным, культурным и общественным деятелем целого ряда православных стран эпохи средневековья: Болгарии, Византии, Молдавии, Сербии, Литвы и России. Видный представитель Тырновской книжной школы патриарха Евфимия родился около 1365 г. в болгарской столице. Выходцы из его рода, возможно, имевшего восточнороманское происхождение (Цамблак – «сам влах»), принадлежали высшей аристократии и занимали ведущие государственные посты в Византии, Болгарии и Молдавии. После того, как болгарские земли попали под власть османов (возможно, Григорий был свидетелем осады и взятия Тырново в 1393 г.), он обрелся на Афоне и в Константинополе (СК 1988: 175; Петканова 1992: 115).

В 1401 г. «келейный инок патриарха» Матфея Григорий и дьякон Мануил Архонт были направлены к господарю Александру Доброму (1400-1432) с заданием уладить давний конфликт между вселенской патриархией и молдавской митрополией (Гюзелев 1994: 247-248; Parasca 2002: 76, 97-100). Путь из Византии в столицу Молдавии лежал через Белгород – «Аспрокастро», со слов жителей которого Григорий Цамблак и услышал полулегендарную историю о греческом купце. Важными доказательствами ее истинности, судя по всему, были существовавшие уже тогда культовые места. В греческой церкви на берегу Днестровского лимана над захоронением праведника, погибшего из-за козней католиков, иудеев и язычников-ордынцев, в течение многих де-

сятилетий по ночам не переставали витать огни, а из гроба исходило благоухание. С христианской точки зрения, божественная сила святости, привлекавшая к себе множество православных паломников, как раз и являлась неоспоримым свидетельством подлинности давних событий.

Вскоре о чудодейственных мученических мощах стало известно «христолюбивейшему и великому воеводе Ио[анну] Александру». Объятый благим желанием господарь по совету «священнейшего архиепископа Иосифа» послал в 1402 г. своих вельмож с большим войском, чтобы они «с великой честью принесли к нему достославное тело мученика». В торжественной обстановке в присутствии народа, светской и духовной знати, припадая к раке святого и обливаясь радостными слезами, молдавский правитель встретил процессию. Правитель провозгласил погибшего за веру греческого купца «хранителем своей державы», поместив его мощи «в святейшей митрополии». Так по инициативе Григория Цамблака были заложены основы культа национального святого (Яцимирский 1904: 467; 1906: 24-25). Это событие, по сути дела, венчало процесс создания Молдавской митрополии (Parasca 2002: 78).

Несмотря на то, что «литературной колыбелью жития была церковная песнь, а публикой – общество, которому был чужд простой исторический интерес» (Ключевский 1988: 427), сейчас практически нет специалистов-историков, которые бы считали повесть о мученичестве Иоанна плодом религиозной фантазии ее составителя (Русев, Давидов 1966: 60). Исследования показывают, что Белгород XIV в. действительно был крупным торговым и административным центром Золотой Орды с характерным для международных портов разнообразным в этническом и конфессиональном отношении населением (Русев 1997).

Житие Иоанна Нового – «первое и при этом значительное, подлинно художественное произведение средневековой молдавской литературы с выявленным молдавским обликом» (Русев 1980: 133-134). Однако описание подвига, призванное освятить акт провозглашения мученика заступником господарского престола и всего Молдавского государства, получило гораздо более широкое звучание, чудесным образом раздвинув пределы присущего ему исторического пространства и времени. Удивительная судьба сочинения объяснима только тем, что автору удалось вдохнуть в небольшое творение тяжкую тревогу всей православной общности своей и будущей эпох...

Повествование о трапезундском греке, принявшем в первой половине XIV в. во имя веры смерть от нечестивых ордынцев, не имело прямого отношения ни к Болгарии, ни к Молдавии. Тем не менее, в пере-

осмыслении христианского деятеля, православную родину которого – Тырновскую Болгарию – всего несколькими годами ранее поработили османы, сказание приобрело новую значимость. Эмоциональная подготовленность талантливого писателя и актуальность мотива борьбы с неверными, замахнувшимися на весь крещеный мир, способствовали трансформации устного предания в авторское произведение. Поэтому в условиях смертельной угрозы турецкого завоевания и насильственной мусульманизации сюжет жития чуть ли не с момента написания сочинения воспринимался как османоборческий (Русев, Давидов 1966: 69; Русев 1991: 47). Это предопределило судьбу его жития, многократно переписанного и изданного на разных языках в последующие столетия.

Блестяще выполнив свою религиозно-политическую миссию, посланец из Царьграда остался в Молдавии до 1406 г. проповедником в соборной церкви Сучавы. К наследию писателя этого периода относится около 20 произведений. Наиболее значительное и известное из них – агиографическое сочинение о мученике Иоанне Новом, ставшее первым произведением молдавской средневековой литературы. Самые ранние из сохранившихся списков памятника сделаны в 1438 и 1450 гг. рукой знаменитого Гавриила Урика в монастыре Нямц (Яцимирский 1904: 22-26).

В 1406 г. Григорий поехал в Москву по вызову к митрополиту всея Руси Киприану (ок. 1330-1406), которому он, по всей видимости, приходился племянником (СК 1988: 464-475; Петканова 1992: 221-222). Однако на реке Неман он получил известие о смерти дяди, которое круто изменило его планы. Григорий Цамблак ушел в Сербию, где до 1408 г. находился в Дечанском монастыре и некоторое время даже являлся игуменом этой обители. В 1409 г. он переехал в Киев и вскоре стал участником борьбы между Москвой и Литвой, отстаивавших два варианта идеи общерусской церкви. В 1414 г. его выбрали литовским митрополитом. В 1418 г. принял участие в работе Констанцкого собора, рассматривавшего вопрос об унии католической и православной церквей (СК 1988: 176-178). За это по обвинению в униатстве он был предан анафеме, хотя в своих произведениях и действиях Григорий Цамблак предстает как последовательный защитник православия, надевшийся остановить наступление турок объединенными усилиями всех христиан.

Понять смысл нелегких жизненных исканий Григория Цамблака можно только в контексте сложных трансформаций, пережитых православным миром в XIV–XV вв. Его царьградский центр быстро утрачивал значение «главы семьи народов». На глазах Европы присутствие турок становилось внутренним фактором в византийской исто-

рии. Когда император получил от Симеона Гордого (1341-1353) деньги на ремонт Св. Софии, значительная часть этих средств была потрачена на оплату турецких наемников (ИБ 1967: 158; ХЕ 1994: 291-292, 627). В 1354 г. османы неожиданно заняли и отстроили разрушенный землетрясением город Галлиполи. Учитывая, что с 1352 г. в их руках находилась расположенная неподалеку крепость Цимпе, овладение плацдармом на европейском берегу имело стратегическое значение для экспансии османов на Балканах. Константинополь отреагировал на происшедшее только кратковременной паникой (Руссев 2001-2002: 305).

Тогда же общеправославным центром попыталась стать Болгария. Тырновский патриарх дал согласие на возведение сербского архиепископа в патриарший сан (1346 г.) и назначил русским митрополитом Феодорита – ставленника великого князя литовского Ольгерда (1352 г.). Эти вызвало резкий протест греков. Феодорита отлучили от церкви, а в 1354 г. Константинополь утвердил перенос кафедры русского митрополита во Владимир-на-Клязьме, лишив Литву права настаивать на обязательном пребывании иерарха в Киеве (Тихомиров 1947: 169; Ивакин 1991: 46-49; Гюзелев 1994: 170-171, 274-275). В начавшейся борьбе Литвы и Москвы Византийское государство лавировало, а в 1355 г. вселенская патриархия создала митрополию Малой Руси (Руссев 2001-2002: 305).

Правда, часть византийской верхушки и император Иоанн V стремились через церковную унию получить поддержку Запада. Однако в делегации, выехавшей в 1367 г. в Италию, не было духовных лиц, что обрекло миссию на провал. Константинопольский патриарх Филофей открыто призывал православных иерархов от Египта до Руси бороться с униатством. Если помощь Запада и была как в 1396 г. реальной, то выяснялось, что крестоносцы не могут одолеть турецкую мощь (ИБ 1967: 164-169).

Начало османского наступления в Юго-Восточной Европе совпало с первыми сокрушительными поражениями ордынцев на Русской равнине. Почти в то же время, когда турки взяли Дидимотику и Адрианополь, а затем поочередно обустраивали в них свои столицы, осенью 1362 г. Ольгерд «побил татаров на Синьи воде» – на речке Синюха, правом притоке Южного Буга. Он взял под контроль Подолье, продолжая продвигаться к Черному морю. Походы на Москву в 1368, 1371 и 1372 гг. демонстрировали, кто является главным правителем на востоке Европе. Литва становилась истинным «собирателем» юго-западных русских земель (Шабульдо 1987: 37-73, 104-107).

Однако установлению политической гегемонии Литвы реально препятствовали как усиливавшееся Московское княжество, так и не собиравшаяся сдавать позиций Золотая Орда. Еще одним препятстви-

ем оказалась Польша. Между тем литовский князь Ягайло принял польскую корону под именем Владислава II (1384-1434), и над Литвой маячила перспектива окатоличивания. Угрозу отвел Витовт (1392-1430), возглавивший «великое княжение Литовское и Русское» и утвердивший ведущую роль Вильно в Восточной Европе (Думин 1991: 108-113).

Страшные опустошения, которым османы подвергли христианские земли в конце XIV в., вызвали бегство уцелевшего населения из родных мест. Наиболее мощный поток переселенцев устремился на север, в земли единоверцев, часто близких для эмигрантов и по языку. Натиск османов способствовал осознанию этнического и религиозного славянского родства на востоке и юго-востоке Европы.

Парадоксально, но славяно-православное единство не способствовало спасению Балкан. Подобно жидкости в сообщающихся сосудах, немалое количество людей, идей, энергии неизменно уходило из зоны наибольшего напряжения. Здесь сопротивляемость османской экспансии уменьшалась, а в новых условиях актуальными являлись другие проблемы. В 1398 г. император Мануил II Палеолог (1391-1425) пытался заручиться поддержкой великого князя Василия Дмитриевича. Правитель Москвы, занятый войнами против Орды и Литвы, был слишком далек от бед византийцев. Не способствовало союзу с греками и стремление русской церкви к независимости, ведь в Константинополе не думали отказываться от главенства над Московской митрополией (ИВ 1967: 170).

Непосредственным предтечей и ярким примером для Григория Цамблака являлся Киприан, который, получив место митрополита «киевского, русского и литовского», тут же включился в литовско-московское соперничество. Он, разумеется, болел за судьбу Балкан, но уже в связи с новыми интересами. В 1398 г. по его совету русские князья откликнулись на просьбы патриарха и императора, послав в Византию 20 тыс. рублей. В 1400 г. во время осады Константинополя султаном Баязидом I (1389-1402) Киприана вновь нашла просьба о денежной помощи (СК 1988: 469).

Однако попытки сориентировать на северо-восток религиозные и политические силы балканских стран, в первую очередь Болгарии, нарушали традиционные представления о центрах православия. Видимо, закономерен ответ в январе 1397 г. цареградского патриарха Антония Киприану, предложившему провести собор духовных вождей православия во владениях Витовта (по другой версии, Владислава-Ягайло). Русские земли, в которых царил мир, были названы «самым неподходящим местом для собора». Ссылаясь на трудности дальних поездок, патриарх Антоний отверг попытку привлечь внимание к Восточной

Европе как к новому оплоту православия. «Для разгрома нечестивых, которые пытаются поработить всю вселенную», ему представлялось достаточным, если великий литовский князь соединит силы с Сигизмундом (1387-1437) – «благороднейшим королем Венгрии» (Гюзелев 1994: 234; ср. СК 1988: 469).

В конце 90-х гг. Киприан добился уничтожения Галицкой митрополии, что дало ему возможность распространить свою власть на Молдовлахию и Галицию вопреки воле патриарха (СК 1988: 469). Примерно тогда же в его канцелярии появился «Список русских городов ближних и дальних» – проект единой митрополии, включивший сотни населенных пунктов от Болгарии до Новгорода. Здесь стоит обратить внимание на перечень болгарских и молдавских городов (НПЛ 1950: 475; см. Тихомиров 1979: 83-137; Наумов 1974: 150-163). В тексте памятника каждая группа городов имеет отдельный заголовок, тогда как в одном случае рубрика сдвоена: «А се болгарский и волоский гради». Очевидно, неразделенность двух групп городов нужно трактовать сложно развивавшейся реальностью, а не ошибками позднейших переписчиков. К концу XIV в., когда был составлен список, часть городов, прежде считавшихся болгарскими (в том числе Белгород, где бывал Киприан), перешла к молдаванам. Составители памятника, должно быть, нарочно не разделили города, ибо документ призван был способствовать консолидации, а не разобщению православного мира.

В этом плане интересно отношение иерарха к выбору вероятного вождя славяно-православной Европы. Именно великого московского князя он рассматривал как идеал будущего всероссийского предводителя. При этом отношения Киприана с Дмитрием Донским (1359-1389) складывались очень трудно. Дважды, в 1374 и 1382 гг., правитель Москвы выдворял иерарха из своих земель. В свою очередь митрополит проклинал великого князя, но в двух своих произведениях, написанных вскоре после смерти Дмитрия Ивановича, именовал его владения «царством», а самого бывшего врага – «царем Русским» (СК 1988: 465-467).

Наиболее ясно свои взгляды на будущую роль Москвы Киприан выразил в «Похвальном слове митрополиту Петру» – одному из своих предшественников. Автор восхваляет его за то, что во времена Ивана Калиты (1328-1341) он избрал местом своего пребывания «тогда еще малый и немногочисленный» город Москву. Петр якобы дал пророческий совет князю: «Ежели меня послушаешь, и храм пречистой Богородицы воздвигнешь в своем граде, ты и сам прославишься больше других князей, и сыновья, и внуки твои из поколения в поколение; и град этот славен будет среди всех градов русских и святители будут жить в нем; и обопрутся руки его на плечи врагов его и прославится

бог в нем...». В связи со сбывшимся предсказанием Киприан вопрошает: «Не свершилось ли сказанное о тебе, преславный град Москва?» Далее он обращается к «архиепископу Киевскому и всея Руси» – своему герою: «Радуйся, медоточивый кладезь, придя к которому Христос развеселился и прославил тобою всю страну русскую» (Русев 1983: 217, 220).

Прошло время, и уже Григорий Цамблак в слове, составленном им для произнесения на могиле, обращался к недавно усопшему «архиепископу российскому» Киприану. Восхваляя достоинства митрополита, он ставил на одни весы потери и приобретения болгар и русских: «Его же наше отечество породило, а вам его бог даровал, и им вы за многое наслаждаетесь, мы же его лишились». Фразой «братья мы вам наилучшие» митрополит вполне осмысленно уравнивает два народа. Наконец, писатель позволил себе заявить об «обрусении» дяди. В финальных строках произведения Цамблак восклицает: «Отче Киприане, поистине ты есть светило Российской земли!» (Русев 1983: 230, 234, 237). Ранее он решил пойти на обращение в «светило» Молдавии грека из Трапезунда.

В «Надгробном слове Киприану» автор не употребляет названий своего народа, страны и столицы, что свидетельствует о кризисе болгарской идентичности. Ниспосланная свыше победа неверных как кара за грехи болгар лишала народ и страну не только богоизбранности, но и имени. Эти обстоятельства становились исходными точками для обоснования идеи перенесения центра мира в русские земли (Полывянный 2000: 213-214). Усилиями христианского мыслителя болгарин, возможно, неславянского происхождения, которого византийский патриарх называл «любящим ромеев человеком» (СК 1988: 469), становился россиянином.

Расширяя создаваемое им идеальное пространство, Григорий Цамблак так или иначе помещал его в координатах «свои – чужие». В более позднем по времени создания «Похвальном слове» Евфимию он упоминает, что патриарх много времени прожил «в чужой стране» – Византии, но все же предпочел «свое отечество» (Полывянный 2000: 206). Показательно, что для автора «отеческие предания» – это не просто православие, но и признак народности. При этом множество учеников «не только болгарского рода», осененные добродетелями Евфимия Тырновского, стали «своим отечествам учителями». Величие подвига патриарха в том, что и другие народы «болгарскому согласны вещанию» (Русев 1983: 132, 163). Конечно, речь шла только о действительно православных народах, для отнесения к которым как вера, так и славяноязычие являлись необходимыми условиями. Греческая общность из этого круга исключалась.

Гораздо более сложной задачей для Цамблака было определиться с центром этого политически лоскутного мира. Колеблясь в решении вопроса о схождении божественной благодати на определенную страну или город, духовный предводитель искал себе под стать правителя светского. Первым из таковых оказался Александр Добрый. В силу исторических обстоятельств господарь ориентировался на Литву и Польшу, но для реализации грандиозных планов торжества славянского православия требовалась фигура более сильная и харизматичная. Григорий возлагал надежды на Москву, но там не был принят. Поэтому в Дечанском монастыре он проводил мысль о перемещении центра православия из Болгарского царства в Сербское (Полывянный 2000: 210-211).

Вершиной церковной карьеры Григория Цамблака явилось его избрание по настоянию великого князя Витовта литовским митрополитом. Отлученный от церкви в Константинополе, он занимал этот пост в 1414-1419 гг. В 1416 или 1418 г. перенес митрополию из сожженного татарами Киева в Вильно (СК 1988: 177-178). Выбор Литвы был не случаен. Согласно летописи, Витовту подчинялась «попросту говоря – вся Русская земля». Известно, что его зять, московский правитель Василий I (1389-1425), умирая, поручил тестю опеку над малолетним сыном. Интересы Литвы распространялись и на юго-запад, на земли Молдавии, Валахии и Болгарии (ПСРЛ 1980: 59; Думин 1991: 78, 114). О масштабах деятельности Цамблака в этот период свидетельствует следующий факт: митрополит возглавил на Констанцском соборе делегацию из 300 представителей Литвы, Великого Новгорода, Молдавии и Орды (СК 1988: 178). О его смерти в 1419 г. в Никоновской летописи сказано: «Той же зимой умер Григорий митрополит Цамблук в Киеве, родом болгарин, книжный очень, обучен был книжной мудрости всякой с детства и много писаний, сотворив, оставил» (ПСРЛ 1965: 235).

\* \* \*

Представляется, что при описании жития Иоанна Нового отработано определенное понимание сущности превращений, способных обесмертить земного человека и приемлемых для самого автора. Погружение в духе исихазма (Прохоров 1968: 86-108) в мир, невидимый свету, давало в обстоятельствах реального времени эффект харизматичности... Благодаря этому боговдохновенный грек, столкнувшись в Белгороде с представителями Римской церкви и язычниками, принял мученический жребий и стал святым в сознании населения Молдавии. Именно версия жития Григория Цамблака сделала Иоанна Сучавского известным и близким верующим на огромных территориях Восточной и Юго-Восточной Европы.

Это, по всей видимости, задало как поле, так и стиль деятельности еще молодому православному подвижнику. Цитируя его собственные слова, можно сказать, что будущий митрополит избрал местом своей деятельности «все страны – на север до Океана и на запад до Иллирика» (Русев 1983: 167). Речь идет о землях, священным языком которых был славянский. Григорий буквально бросался в опаснейшие круговороты событий. Окрыленный примером Киприана племянник предлагал огромные усилия для утверждения идейно-политического центра этого пространства. Москва? Белград? Киев? Вильно? Другой город? Григорий Цамблак пытался дать ответы на эти вопросы до срока, поэтому то и дело оказывался отверженным повседневной суетностью. Если верны догадки, что он избежал объятий чумы в 1419 г., тогда следы опального иерарха нужно искать в одной из православных обителей вне границ Литвы (СК 1988: 179).

В притворе главного храма Нямецкого монастыря местному архимандриту когда-то удалось списать эпитафию с разбитой надгробной плиты, которая гласила, что нашедший под ней покой родился в Тырново, был вскормлен на Афоне, принят пастырем в Киеве... Сохранившиеся в тексте названия местностей довольно точно отразили основные моменты истины на жизненном пути Григория Цамблака. Предполагается, что митрополит укрылся в Молдавии, где до глубокой старости занимался писательской деятельностью под именем Гавриила Урика (Яцимирский 1904: 24-25 и др.). Но и в этом случае, разочаровавшись в царях земных, он продолжал напряженную интеллектуальную работу над созданием единого славяноязычного мира православных народов, идеального пространства, которое позднее в силу объективных исторических перемен стало восприниматься главным образом как российское.

## ЛИТЕРАТУРА

Гюзелев В. 1994. Извори за средновековната история на България (VII-XV в.) в австрийските ръкописни сборки и архиви. Т. 1. София.

Думин С.В. 1991. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М. С. 76-126.

ИБ 1967. – История Византии. Т. 3. М.

Ивакин Г.Ю. 1991. Связи Киева с Византией во второй половине XIII-XIV вв. // Южная Русь и Византия. Киев. С. 43-57.

Ключевский В.О. 1988. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.

Наумов Е.П. 1974. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. М. С. 150-163.

- НПЛ 1950. Новгородская первая летопись. М.; Л.
- Петканова Д.* 1992. Старобългарска литература. Енциклопедически речник. София.
- Полывянный Д.И.* 2000. Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново.
- Прохоров Г.М.* 1968. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 23. Л. С. 86-108.
- ПСРЛ 1965. – Полное собрание русских летописей. Т. 11: Патриаршая или Никоновская летопись. М.
- ПСРЛ 1980. – Полное собрание русских летописей. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.
- Русев П.* 1980. Литературное наследие Григория Цамблака (общая характеристика, распространение и классификация, художественное мастерство) // *Studes balkaniques*. № 2. Sofia. С. 124-137.
- Русев П.* 1983. Естетика и майсторство на писателите от Евтимиевата книжовна школа. София.
- Русев П., Давидов А.* 1966. Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература. София.
- Русев Н.Д.* 1991. Историческая судьба жития Иоанна Нового // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Харьков. С. 46-47.
- Русев Н.Д.* 1997. Житие Иоанна Нового: легенда и историческая действительность // Аккерманские древности. Вып. I. Белгород-Днестровский. С. 127-162.
- Русев Н.Д.* 2001-2002. Балканы и Восточная Европа: к истории цивилизационного выбора // *Stratum plus*. № 5. С. 300-319.
- СК 1988-1989. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Часть 1-2. Л.
- Тихомиров М.Н.* 1947. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М. С. 125-201.
- Тихомиров М.Н.* 1979. «Список русских городов дальних и ближних» // Русское летописание. М. С. 83-137.
- ХЕ 1994. Търкова-Займова В., Димитров Д., Павлов Пл. Хронологична енциклопедия на света. Т. VI. Велико Търново.
- Шабуйдо Ф.М.* 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.
- Яцимирский А.И.* 1904. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб.
- Яцимирский А.И.* 1906. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Известные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. СПб.
- Năsturel P.* 1971. Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak: «Le martyr saint Jean le Nouveau» // *Actes du premier congrès international des études Balkaniques et Sud-Est Européennes*. T. VII: Littérature, ethnographie, folklore. Sofia. P. 345-351.
- Parasca P.* 2002. La obârșia Mitropoliei Țării Moldovei. Chișinău.